

ЛИТЕРАТУРОВЕДИЕ

УДК / UDC 821.512.37. 82-3

Поэтика рассказов Джангра Насунова 1970-х гг.*Римма Михайловна Ханинова¹***The Poetics of Dzhangar Nasunov's Stories, created in the 1970s***Rimma M. Khaninova¹*¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Il-ishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2026

© KalmSC RAS, 2026

© Ханинова Р. М., 2026

© Khaninova R. M., 2026

Аннотация. Введение. В творчестве калмыцкого русскоязычного поэта Джангра Насунова (1942–1979) жанр рассказа занимал скромное место. *Цель* статьи — ввести в научный оборот его рассказы 1970-х гг., не являвшиеся объектом и предметом исследования в литературоведении, рассмотреть поэтику указанных произведений. Эти тексты, неравнозначные по объему, художественному уровню, прошли незамеченными читателями и литературной критикой. *Материалы и методы.* Исследование основано на материалах четырех рассказах автора. Для анализа текстов использованы сравнительно-сопоставительный метод, герменевтический подход и метод описательной поэтики. *Результаты.* Четыре рассказа Д. Насунова опубликованы с 1971 г. по 1977 г. Дебют выхода поэтической книги автора «Голоса расстояний» и рассказа «Тяжелая плеть» совпал в 1971 г. Писатель планировал работать в прозе, задумав повесть. Названия рассказов односоставные («Адьян», «Ботхн») и двусоставные («Тяжелая плеть», «Самостоятельное решение»). В художественном отношении выделяются два текста: «Тяжелая плеть» (1971) и «Адьян» (1977). Первый обращен к прошлому, второй — к современности. Действие всех рассказов происходит в Калмыкии, основные персонажи — калмыки, есть и представители других национальностей. Тематика нарративов широкая: история страны и народа, культура, природа, родной край, экология, фольклор. Проблемы национальной идентичности, поиска утраченных корней, разрушения связей между поколениями, воспитания молодежи, преступления и наказания, сохранения степной фауны, рассмотренные в статье через призму взаимоотношений «своих» и «чужих» людей, конфликты любовные, социальные, морально-нравственные, этические и др., показывают авторские интенции писателя как его гражданскую, патриотическую позицию, неотделимую от его поэзии. Как лирика, так и малая

проза калмыцкого русскоязычного писателя демонстрируют связь с национальной литературой, фольклором, историей, культурой, определяя значимое место Джангра Насунова в истории калмыцкой словесности.

Ключевые слова: калмыцкий русскоязычный рассказ, жанр, 1970-е гг., оппозиция «свой — чужой», поэтика

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «„Свой“ — „другой“ — „чужой“ в калмыцкой литературе рубежа XX–XXI веков: имагологический аспект» (№ 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика рассказов Джангра Насунова 1970-х гг. // Монголоведение. 2026. Т. 18. № 1. С. 177–189. DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-177-189

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation the stories of the 1970s by the Kalmyk Russian-speaking writer Dzhangar Nasunov (1942–1979), to consider the poetics of these works. *Materials and methods.* The research materials are based on four short stories by the author, which have not become the object and subject of research in literary criticism. The comparative method, the hermeneutic approach, and the method of descriptive poetics are used to analyze texts. *Results.* D. Nasunov wrote and published four short stories from 1971 to 1977. The debut of the author's poetry book "Voices of Distances" and the short story "Heavy Whip" coincided in 1971. The writer planned to work in prose, having conceived a novel. Four author's stories, unequal in volume and artistic level, went unnoticed by readers and literary critics. The names of the stories are one- and two-part: "Adyan", "Bothn", "Heavy Whip", "Independent Decision". Two texts stand out from these works artistically: "The Heavy Lash" (1971) and "Adyan" (1977). The first is addressed to the past, the second to the present. The action of all the stories takes place mainly in Kalmykia, the main characters are Kalmyks, and there are representatives of other nationalities. The themes of the narratives are wide: the history of the country, people, culture, nature, native land, ecology, folklore. The problems of national identity, the search for lost roots, the destruction of ties between generations, the upbringing of youth, crime and punishment, the preservation of steppe fauna, considered in the article through the prism of the relationship of "own" and "strangers" people, love conflicts, social, moral, ethical, etc., show the author's intentions of the writer as his civil, a patriotic position, inseparable from his poetry. Both the lyrics and the short prose of the Kalmyk Russian-language writer demonstrate a connection with national literature, folklore, history, and culture, defining the significant place of Dzhangar Nasunov in the history of Kalmyk literature.

Keywords: Kalmyk Russian-language short story, genre, 1970s, "friend or foe" opposition, poetics

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-28-01283 «„One's Own“ — „the Other“ — „the Alien“ in Kalmyk Russian-language Literature at the turn of the 20th–21st Centuries: Imagological Aspect». Available at: <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/>.

For citation: Khaninova R. M. The Poetics of the Stories of Dzhangar Nasunov in the 1970s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2026. Vol. 18. Is. 1. Pp. 177–189. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2026-1-177-189

1. Введение

Джангр Насунов (литературный псевдоним Виктора Ивановича Насунова, 1942–1979 гг.) — калмыцкий русскоязычный поэт, вошедший в литературу в начале 1970-х гг. Своеобразие его жизненного и творческого пути определено Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.), сибирской ссылкой семьи

(1943–1957 гг.), рождением от отца-калмыка и матери-русской, учебой в Литературном институте им. А. М. Горького, созданием произведений на русском языке. Несмотря на профессиональное образование, издание двух прижизненных книжек стихотворений «Голоса расстояний» (1971) [Насунов 1971a] и «Поселенцы» (1977) [Насунов 1977b], публикации произведений в республиканских и всесоюзных газетах и журналах, ему было отказано в приеме в Союз писателей Калмыкии из-за того, что он не писал на калмыцком языке.

Его поэзия стала объектом и предметом литературоведческого исследования в этом столетии [Литературы народов России 2005; Современная русскоязычная 2012; Салдусова 2009; Ханинова 2013a; Ханинова 2013b; и др.]. «Насунов — поэт, выраживший мировосприятие поколения, утратившего всякие иллюзии, но не потерявшего генетической связи с предками, которая дает опору в понимании изначальной разумности мира, его целесообразности» [Салдусова 2009: 510]. Среди основных трудов, в которых анализируется творчество Джангра Насунова — монография, написанная на основе кандидатской диссертации, и статьи Д. Ю. Топаловой (Зумаевой) [Топалова (Зумаева) 2014a; Топалова 2014b; и др.]. Если со временем все очевиднее становится значимость художественного наследия Д. Насунова-поэта [Насунов 1980; Насунов 1982; Насунов 2017], то его проза все еще остается на периферии внимания исследователей. Автор четырех рассказов, написанных с 1971 г. по 1977 г., оставил эссе, статьи, заметки, опубликованные в газете «Комсомолец Калмыкии», где тогда трудился корреспондентом [Насунов 1973; Насунов 1974].

2. Материалы и методы

Материалами для исследования художественной прозы писателя стали четыре рассказа, опубликованные в разных изданиях с 1971 г. Это рассказ «Тяжелая плеть» (1971), отсылающий к давним временам, о судьбе женщины-калмычки; он вошел в сборник молодой поэзии и прозы Калмыкии «Души прекрасные порывы» [Насунов 1971b: 89–98]. Второй рассказ «Самостоятельное решение» был напечатан в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») в 1972 г. [Насунов 1972: 69–76]. Третий рассказ «Адьян» и четвертый рассказ «Ботхн» появились на страницах республиканской газеты «Комсомолец Калмыкии» в 1975 г. [Насунов 1975a: 3, 4] и 1977 г. соответственно [Насунов 1977a: 4]. Их публикация прошла незамеченной [Бадмаева, Гей 1976; История калмыцкой литературы 1980; Калмыцкая литература XX века 2006; Джамбинова 2009; и др.].

Для анализа этих текстов в статье использованы сравнительно-сопоставительный метод и метод описательной поэтики.

3. Поэтика рассказов Д. Насунова 1970-х гг.

3.1. Рассказ «Тяжелая плеть» (1971)

Если взглянуть с хронологической точки зрения, то увидим, что наряду со стихами Джангр Насунов пробовал свои силы и в прозе. Так, первый рассказ и первая поэтическая книга относятся к 1971 г. Время от времени поэт обращался к жанру рассказа: в 1971, 1972, 1975, 1977 гг. Главным же в его жизни и творчестве оставалась поэзия, в основном лирика. Был опубликован фрагмент поэмы «Поселенцы», полностью текст не известен до сих пор. Кто знает, как сложилась бы судьба Д. Насунова-прозаика, если бы не преждевременный трагический уход из жизни в возрасте 37 лет. В. З. Церенов вспоминал, как вечерами с Джангром

нередко гуляли, и «он делился сюжетами будущих рассказов. Говорил, что работает над повестью „На берегах Тальменки“» [Церенов 2017: 17].

Ср.: известный калмыцкий русскоязычный прозаик и киносценарист Олег Лиджиевич Манджиев (1949–2021) начал с повести, написанной в соавторстве с бурятским русскоязычным поэтом Намжилом Нимбуевым, будучи студентом Литературного института им. А. М. Горького, издал в 1970 г. маленький сборник стихов «Небесный родник» [Манджиев 1982], полностью перешел на прозу в жанрах рассказа, повести, завершив романом, не оставляя киносценарии. Поскольку, видимо, время уже было иное, он стал членом Союза писателей СССР, как потом и другие калмыцкие писатели, создававшие свои произведения на русском языке. Как выясняется, Олег и Джангр общались, и Джангр написал первую рецензию «Паруса его светлой мечты» [Насунов 1975б: 8] на повесть «Мальчишка с бантиками», когда она была издана в 1975 г. [Манджиев, Нимбуев 1975], поддержав молодого прозаика.

Первое прозаическое произведение «Тяжелая плеть» Д. Насунова структурировано как рассказ в рассказе. Небольшой по объему, он построен на диалоговой основе: встреча представителей двух поколений — старшего и младшего. Внук приехал, чтобы узнать, где находится землянка уже умершего деда, и разговорился с местным стариком, как оказалось, знавшим его родню. Место встречи, как и время, не конкретизировано. Отдельные хронологические упоминания в рассказе старика маркируют прошлое (до Гражданской войны, в Гражданскую войну, после Гражданской войны, до Советской власти, во время Советской власти, прошло полвека) и современность. Поначалу старик безымяннен, постепенно называется его имя — Гучин, в конце его монолога и фамилия — Адьянов. Молодой собеседник остается безымянным, известны лишь фамилия Лиджанов, имена его деда Овше и отца Ивана. Обратим внимание на то, что автор дал настоящие имена своей родни — деда (Овше) и отца (Иван). Рассказ начинается с приветствия приезжего, обращающегося к старику по-калмыцки — *аава* (дедушка), но здоровающегося по-русски: «Здравствуйте, аава» [Насунов 2017: 180]. Позже, войдя в дом, он спрашивает у старика о его жене, назвав ее по-калмыцки бабушкой: *эджа* (калм. *ээж*). «Эджа у соседей? — спросил я» [Насунов 2017: 185]. В разговоре самого хозяина лишь раз встречается калмыцкое обозначение водки — *арака* (арька) [Насунов 2017: 189]. Старик каждый раз называет плеть по-русски, а не по-калмыцки, например *маля*.

Рассказ назван «Тяжелая плеть», подчеркивается тем самым физический вес вещи. В контексте определение «тяжелая» наполняется дополнительным смыслом: чувством вины мужа, избившего плетью свою жену до полусмерти за смерть их сына, задохнувшегося во сне шерстью от овчины, которой был укрыт. Спустя много десятилетий старик Гучин рассказал свою драматичную историю жизни внуку своего друга Овше. Было это полвека назад, когда в «калмыцкой кибитке висело две плети. Та, что подлиннее и потяжелей, — для жены, та, что покороче и полегче, — для лошади. Лошадь жалели больше, чем жену» [Насунов 2017: 187]. Здесь чеховский прием: висит на стене плеть, которая вскоре станет действующим орудием в конфликте мужа и жены. Трудно сказать, чем обусловлены такие функции перечисленных двух вещей, так как тяжелая плеть с металлическим включением использовалась кочевниками-калмыками в бою, на охоте, в схватке с хищным зверем и т. д., не имела такого специально-

го предназначения — наказание жены. См. об этом в нашей монографии (1.6. Магтал плети-маля в калмыцком фольклоре и лирике XX–XXI вв.) [Ханинова 2025: 41–49]. В то же время случаи такого наказания жены плетью ранее не были редкостью. См. стихотворение Боси Сангаджиевой «Маля» (1981), в котором эта вещь показана с точки зрения классово-социальной и нравственно-бытовой (наказание бедноты, коней, жены и детей) [Сангаджиева 2008: 312–313].

В своем рассказе старик уточнил, что тяжелая плеть была со свинцовой пулей на конце. Этой плетью он жестоко наказал свою жену Занду и сбежал, думая, что убил ее. Оказалось, что она выжила, вышла потом замуж за своего спасителя Бадму, родила ему двух сыновей. Когда после Великой Отечественной войны, через много лет, Гучин вернулся на родину, случайно встретился со старой Зандой, у которой остался шрам на левой щеке от его плети, повинился перед ней за свою жестокость, и она пожалела его, как и своего умершего сына. В своем рассказе Гучин трижды проклинает те давние времена, ту тяжелую плеть: *«Будь прокляты те времена! Будь проклята та тяжелая плеть со свинцовой пулей на конце!»* [Насунов 2017: 185, 187, 189]. Отметим, что у калмыков не принято было вслух проклинать кого-либо или что-либо (калм. *харал* ‘проклятие’), считалось это грехом, страшились и возвратного проклятия [Ханинова 2025: 139–140]. Старик признался, что всю жизнь его мучила совесть от того, что он несправедливо поступил с другими, как несправедливо в детстве поступили с ним (эпизод с быком). Характерно, что в сибирской ссылке Гучин женился на русской женщине, но детей у них с Галей не было. После ее смерти вдовец так и остался одиноким. Одиночество понимается им самим как наказание за грехи молодости.

Рассказ имел открытый финал: старик вспомнил, что дед гостя не пил с кем попало араку, а с Гучином осушал пиалу. Не очень понятна такая концовка встречи собеседников. Стилистически речь старика также неоднородна, имея и книжные конструкции. Несколько странна реакция молодого собеседника, молча слушавшего исповедь хозяина, но никак не отозвавшегося на эту историю. Вероятно, дилемма «свое – другое», «другое – чужое» для нового поколения понимается по-иному.

3.2. Рассказ «Адьян» (1975)

Тема экологии природы и души человека в рассказе «Адьян» показана на примере браконьерской охоты Убуша и Адьяна за сайгаком. Молодой детдомовец тянулся к Убушу, в котором увидел отца. *«Простодушному Адьяну казалось, что Убуш — это тот самый человек, который мог бы заменить ему отца»* [Насунов 2017: 203]. Для него чужой человек становится своим. Напрасно учетчик пытался разубедить юношу. Тот ответил:

«Оригинальный он какой-то... Лицо у него живописное... И халву вот под-солнечную любит, как маленький...»

— *Халву любит, — передразнил учетчик, — пора уж в людях разбираться. Попадешь ты с ним в беду. А тебе ведь осенью в армию.*

— *Зря вы на него так... — уклончиво ответил Адьян»* [Насунов 2017: 203–204].

Предчувствие не обмануло учетчика, видимо, знавшего Убуша и разбиравшегося в людях.

Обман раскрылся, когда Убуш трусливо бросил Адьяна, раненного сайгачьим рогом, оставив умирать в степи. Утром юношу подобрал чабан. Теперь в будке

на летней чабанской стоянке над умирающим человеком *«теснились трое: поселковый врач, милиционер и чабан-даргинец»* [Насунов 2017: 208].

В этом рассказе мир природы и мир человека противопоставлены через чувства и мысли старого рогаля, спасающего от браконьеров сайгачонка тем, что он уводит погоню, и азарт молодого человека, стремящегося убить вожака-сайгака, чтобы продемонстрировать свою взрослость перед Убушем. Эта своего рода инициация, закончившаяся смертью юноши, так и не успевшего повзрослеть. Рассказ заканчивался на трагической ноте: *«Почему он меня бросил? Почему? — и в глазах его вместе с ужасом застыли удивление и обида»* [Насунов 2017: 208].

Смерть рогаля после ударов Адьяна ножом, когда животное добил Убуш, предваряет будущую гибель молодого человека. Самообман Адьяна стоил ему короткой жизни. Он понимал, что охота на сайгаков запрещена, что браконьерство нарушает закон, но ему хотелось быть наравне с взрослыми, с Убушем, показать, что он смел, ловок, никого и ничего не боится, чтобы заслужить похвалу, одобрение старшего товарища.

В рассказе нет охотинспекторов, но подразумевается, что при встрече с ними браконьеры должны будут или бежать, или сопротивляться.

Ср. в стихотворении Д. Насунова «Подранок» (1971), в котором показано противостояние животного и пьяного шофера, старавшегося буфером машины сбить раненного им сайгака, когда его ружье лежало рядом на сиденье до поры, до времени. Бедному животному сочувствуют степь и люди: *«Кричала степь водителю: / „Не надо!“ / И чабаны кричали вдалеке»* [Насунов 1971а: 14]. Поэт передал восприятие бегства самим сайгаком: *«Качалась степь, и прыгали барханы. / Сайгак сдавал, он выбился из сил»* [Насунов 1971а: 14]. Крик природы, крики людей, протестующих против убийства животного, диссонируют с молчанием и бездушием преследователя: *«А за рулем водитель полупьяный / Лениво улыбался и курил»* [Насунов 1971а: 14].

Ср. в рассказе «Адьян» охоту юноши на мотоцикле за сайгаками. Здесь противостояние механической силы и природной силы. Браконьеры уже не тратят пули, гонят по степи сайгаков до тех пор, пока те не упадут без сил, тогда можно зарезать их и спилить рога.

В другом стихотворении, помещенном на следующей странице за «Подранком» в первой книге поэта «Голоса расстояний» (1971), с суровым и жестким названием «Выстрел», посвящение раскрывает адресат: «Памяти Улдиса Кнакиса — инспектора службы охраны сайгаков, погибшего при исполнении служебных обязанностей» [Насунов 1971а: 15]. Мы понимаем, что официальная формулировка причины смерти человека не уменьшает авторской боли, о чем свидетельствует произведение, созданное после трагического известия. Улдис Карлович Кнакис (1939–1970), возглавлявший созданный им отдел охраны сайгаков госохотинспекции Калмыкии, погиб в возрасте 30 лет 26 сентября 1970 г. от выстрелов браконьеров во время ночного патрулирования в 18 км от поселка Белоозерный Юстинского района. Поэт сразу ввел в текст слова биолога-охотоведа, сказанные ранее журналисту, показав, что поступок подтвердил его убеждения: природу надо охранять, она беззащитна перед браконьерами. *«„Что говорить? Когда дойдет до / драки — / Инспектор не попятится назад. / Когда бегут от выстрелов / сайгаки — / Инспекторы на выстрелы / спешат. / Ты для себя, пожалуйста, запомни, / Что там среди ковыльной тишины / Мои друзья видны»*

как на ладони — / Враги и на равнине не видны. / Но мы найдем. Мы знаем их / повадки. / И все о том я думал, и не раз, / Что тот, кто нынче выстрелил в сайгака, / Тот может завтра выстрелить и в нас", — / Вот так ответил Кнакис / журналисту / И попрощался: „Ждут меня дела", / И нынче ночью ветреной / и мгливой / Уехал в степь, что вновь его звала» [Насунов 1971а: 15–16]. Через прием олицетворения (степь позвала) поэт показал единение природы и человека. Изображение бегущего от погони сайгака вводит в трагическую ситуацию гибели животных (грузовик был набит их тушами) и охотинспектора. Следом телеграфно, «лесенкой», усиливающей ужасное сообщение: «Убили! Кнакиса убили! / Там! / Там! / Там!» [Насунов 1971а: 16]. И кольцевая композиция стихотворения, возвращающая к словам У. Кнакиса, подтверждающим, что есть «чужие» люди (враги) и есть «свои» (люди и сайгаки). «Но мы найдем. Мы знаем их / повадки. / И все о том я думал, и не раз, / Что тот, кто нынче выстрелил в сайгака, / Тот может завтра выстрелить и в нас» [Насунов 1971а: 16]. Тогда в газетах сообщалось о том, как искали преступников, но, как выясняется, до сих пор их не нашли. Есть своеобразные переклички между насуновским рассказом и реальной историей: раненого инспектора напарник-водитель отвез к ближайшей чабанской кошаре, а сам поехал за врачом и милицией; Улдис там очнулся, вскоре скончался, сказав, что плохо себя чувствует. В честь знаменитого героя названы его именем улицы в Элисте, в поселке Белоозерный Юстинского района Калмыкии и селе Тунгусово Молчановского района Томской области. Похоронен он был на родине, в Латвии. Еще одна историческая параллель с калмыками: Улдис вместе с родителями был выслан в Сибирь, где прошло его детство. Видимо, такие биографические факты отозвались в душе поэта, тоже ребенком оказавшегося с семьей в сибирской ссылке.

3.3. Рассказ «Самостоятельное решение» (1972)

В другом рассказе писателя «Самостоятельное решение» (1972) среди персонажей в основном школьники, главный из них десятиклассник Наран Уланов, с которым связаны основные события. Он помогает бабушке Анастасии продать яблоки на базаре, купить для взрослого ее внука из Сочи костюм, узнав, что внук со своей женой не торопится взять к себе бабушку, оставляя ее в одиночестве, пишет ему письмо, объясняя ситуацию, и просит приехать или забрать бабушку. Наивное поведение школьника характеризует его отношение к «чужому», бабушка становится для него «своей»: он безвозмездно помогает ей, не берет предложенный ею костюм, предназначенный для неблагодарного внука, переживает, что бабушка беспомощна в своих отношениях с родственником. Рассказ не лишен дидактичности, несколько прямолинеен в характеристике персонажей.

3.4. Рассказ «Ботхн» (1977)

Совсем иной по содержанию последний насуновский рассказ «Ботхн» (1977). Это попытка создать сатирико-юмористический нарратив с калмыцким типом балагура. Рассказ назван «Ботхн» («Верблюжонок»), но это повествование не о животном, а о местном вале с таким именем. Жена Саглар говорит ему: «Тридцать лет живу с тобой и все время удивляюсь, как это тебе такое имя дали, Ботхн — это верблюжонок, а верблюды, как тебе известно, народ молчаливый. Тебе бы больше подошло имя Мечн. Обезьяна только тем и занимается, что тархтит без умолку...» [Насунов 2017: 210]. Двухгодовалого верблюжонка по-калмыцки называют ботхн. Раньше калмыки давали имена с плохой семан-

тикой новорожденным из суеверия, полагая, что это поможет уберечь их от беды. См. в рассказе «Тяжелая плеть»: когда у Гучина с Зандой умер первый сын, второго сына они назвали Ноха (Собака), чтобы сохранить жизнь ребенку. Но и это не помогло.

Есть здесь отсылка к первому рассказу «Тяжелая плеть», к мотиву двух плетей в кибитке — для жены и лошади. Ботхн говорит своей жене: *«Раньше в калмыцкой кибитке висело две плети. Та, что потяжелее — для жены. Та, что полегче — для лошади. Если, Саглар, ты не прикусишь свой язык, то на этой стене с завтрашнего дня будет висеть тяжелая кочерга и, благодари бога, что ее сейчас там нет, хотя твой язык тяжелее любой самой тяжелой кочерги...»* [Насунов 2017: 211]. Автор вводит в нарратив сравнение с калмыцким узлом. Муж выговаривает жене:

«Языкастая стала! Пожила со мной — стихами ипаришь. А раньше, как младенец не может аркан калмыцким узлом завязать, так и ты не могла двух слов связать в одно предложение.

— Зачем так врать, Ботхн? Ты ведь знаешь, что только я одна могла связать из слов аркан, чтобы заарканить твой не в меру длинный язык и завязать его в калмыцкий узел, чтоб он хоть немного помолчал» [Насунов 2017: 210].

Попыткой по просьбе соседей рассказать веселое стало напоминание Ботхном о чудодейственной силе эпоса «Джангар», когда сказитель-джангарчи мог пением спасти рыбаков, унесенных на льдине в море. И сам Ботхн попробовал как-то раз, пошел к морю, запел, и море пошло за ним. Но когда голос его дважды срывался от кашля (курил много), море возвращалось в свои берега. Ср. стихотворение Д. Насунова «Джангарчи» на тему спасения рыбаков с помощью пения эпоса [Насунов 1980: 21–22].

Собственно веселого или забавного в рассказе мало. Завершается повествование утверждением Ботхона, что нельзя на свете прожить без женщин, что как-то плохо взаимосвязано с предыдущими диалогами супругов.

4. Заключение

«Базовой координатой в становлении и развитии образа мира является оппозиция „свое — чужое“, отражающая наиболее существенные, культурно и индивидуально своеобразные характеристики, представляющие собой фундаментальную опору существования в мире. В психологической плоскости означенная оппозиция обозначается как базовый смысловой конструкт, „посредством которого человек структурирует свой жизненный мир“» [Кондратова 2011: 119]. Уточняется, что та часть жизненного мира, к которой человек чувствует непосредственную сопричастность, близость, может рассматриваться как «жизненное пространство личности». «Объекты, входящие в это пространство, ощущаются человеком как значимые и „свои“: близкие, интересные, любимые, знакомые. С какой-то частью этих объектов человек идентифицируется, включая их в свое Я» [Золотова 2018: 98]. Как подчеркивается исследователями, «оппозиции *свой / чужой* <...> получает валорификацию в оценочном поле *положительный / отрицательный*. При этом специфика оппозиции *свой / чужой* состоит в том, что она не абсолютна, а относительна, то есть как бы „подвижна“: *свой* меняет знак, становясь *чужим, чужой* „приватизируется“, *друг* делается *врагом*...» (выделение автора. — Р. Х.) [Цивьян 2002: 467].

Эти особенности бинарной оппозиции «свой – чужой» проецируются в четырех рассказах Джангра Насунова. Написанные в разные годы в промежутке с 1971 г. по 1977 г., эти нарративы неравнозначны по своему уровню. По нашему мнению, значимыми являются два из них: «Тяжелая плеть» (1971) и «Адьян» (1975). Первый, структурированный как рассказ в рассказе, отсылает к дореволюционному прошлому, Гражданской и Отечественной войнам, к неравноправному положению калмычки в семье, ставшей жертвой насилия со стороны мужа, наказавшего ее плетью за смерть их младенца. В столкновении «своего» (младенец) и «другого» (жена) Гучин на стороне сына: жена становится для него «чужой» из-за того, что не уберегла ребенка. Спустя десятилетия после трагедии, мучимый совестью, мужчина винит во всем проклятые времена. Для его выжившей после избиения жены Занды «чужой» человек Бадма становится «своим», она выходит за него замуж, у них появились дети. Для Гучина, женившегося вторично в ссылке на русской женщине, Галя стала «своей». Показательно, что Бадма воспринимается Гучином при возвращении по-разному, но не «чужим» (врагом), а «другим», поскольку он спас Занду, приютил ее, тем самым избавив Гучина от правосудия. Оппозиция «свой – чужой» в отношении гостя в рассказе показана на разных параллелях: так, Гучин и Бадма, будучи в гостях, сдерживают свои проявления чувств друг к другу, а Гучин, принимая у себя гостя-рассказчика, ведет себя в зависимости от ситуации: вначале воспринимает гостя как «чужого», потом — объяснив эту привычку давних времен (опасаться чужих как потенциально врагов-разбойников). Недаром *«негативно-оценочные коннотации отражены в устойчивом сочетании **незванный гость**, синонимом которого является **чужой**»* (выделение автора. — Р. Х.) [Сырица 2016: 206]. Потом в общении гость становится для старика «своим», когда выясняется, что это внук его друга Овше: он приглашает гостя в дом, угощает, исповедуется, рассказывая о своей трудной жизни, о своем преступлении и наказании.

В сравнительно-сопоставительном плане при анализе рассказа «Адьян» рассмотрены и насуновские стихотворения «Подранок» и «Выстрел», посвященный памяти Улдиса Кнакиса, охотинспектора, погибшего при задержании браконьеров в калмыцкой степи в 1970 г. Объединяет эти произведения тема защиты природы (сайгаки) и человека. Для молодого детдомовца Адьяна степь, как и ее обитатели-сайгаки, так и не стала «своей»: он отправляется на охоту, чтобы добыть животных, и умирает, раненный сайгачьим рогом. Кроме того, Убуш, которого он принимал как отца, друга, т. е. как «своего», оказывается на деле «чужим» (врагом), именно из-за него юноша умирает. Происходит запоздалая переоценка «своего» и «чужого» в жизненном пространстве молодого человека, но он не может понять перед смертью, почему так случилось.

А латыш-госинспектор Улдис Кнакис воспринимает степь и ее фауну как «свою», организовав отдел по охране сайгаков, и героически погибает, защищая природу. Браконьеры, независимо от их национальности, для него «чужие» (враги), несущие угрозу и смерть реликтовым животным.

Эти два рассказа сохраняют свою актуальность, демонстрируя героев и антигероев своего времени в парадигме «свой – чужие».

Менее удачными были рассказы «Самостоятельное решение» (1972) и «Ботхн» (1977), один, перегруженный дидактикой, создавал калмыцкий образ гайдаровского Тимура без его команды, другой — с попыткой представить кал-

мыцкий тип враля-балагура, возможно, не соответствовал творческому почерку автора.

Тем не менее прозаические эксперименты поэта могли бы в будущем иметь определенный потенциал, если бы не преждевременная смерть автора.

Литература

- Бадмаева, Гей 1976 — *Бадмаева Б. Б., Гей В. А.* Советская калмыцкая проза. Основные тенденции ее развития. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 130 с.
- Джамбинова 2009 — *Джамбинова Р. А.* Проза // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 512–521.
- Золотова 2018 — *Золотова Н. О.* Иноязычное слово на пересечении границ между «чужим», «другим» и «своим» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 4(31). С. 97–103.
- История калмыцкой литературы 1980 — История калмыцкой литературы. В 2 тт. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.
- Калмыцкая литература XX века 2006 — Калмыцкая литература XX века. В 3 кн. Кн. 1. Джамбинова Р. А. Калмыцкая художественная проза XX века. Элиста: Джангар, 2006. 272 с.
- Кондратова 2011 — *Кондратова Н. А.* Смысловый конструкт «свое – чужое» в контексте понятия «жизненное пространство личности» // Психология субъективной семантики: истоки и развитие. М.: Смысл, 2011. С. 119–133.
- Манджиев 1982 — *Манджиев О. Л.* Небесный родник: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 84 с.
- Манджиев, Нимбуев 1975 — *Манджиев О. Л., Нимбуев Н. Ш.* Мальчишка с бантиками: повесть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 160 с.
- Литературы народов России 2005 — Литературы народов России: XX в.: Словарь / отв. ред. Н.С. Надъярных. М.: Наука, 2005. 365 с.

References

- Badmaeva B. B., Gay V. A.* Soviet Kalmyk Prose. The Main Trends of its Development. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 130 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Proza History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 512–521. (In Russ.)
- Zolotova N. O.* A Foreign Word at the Intersection of Borders between “Alien”, “Other”, and “One’s Own”. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2018. No. 4(31). Pp. 97–103. (In Russ.)
- The History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 2. The Soviet Period. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 445 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Kalmyk Fiction of the Twentieth Century. Elista: Dzhangar, 2006. 272 p. (In Russ.)
- Kondratova N. A.* Semantic Construct “One’s Own – Another’s” in the Context of the Concept of “Personal Living Space”. In: *Psychology of Subjective Semantics: Origins and Development*. Moscow: Smysl, 2011. Pp. 119–133. (In Russ.)
- Manzhiev O. L.* Heavenly Spring: Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 84 p. (In Russ.)
- Mandzhiev O. L., Nimbuev N. Sh.* The Boy with Bows: A Novel. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
- Literature of the Peoples of Russia: 20th Century: Dictionary. N. Nadyarnykh (ed.) Moscow: Nauka, 2005. 365 p. (In Russ.)

- Насунов 1971а — *Насунов Д.* Голоса расстояний: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971а. 62 с.
- Насунов 1971б — *Насунов Д.* Тяжелая плеть // Души прекрасные порывы: молодая поэзия и проза Калмыкии / сост. Б. Б. Пинчук. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 89–98.
- Насунов 1972 — *Насунов Д.* Самостоятельное решение: рассказ // Теегин герл. 1972. № 3. С. 69–76.
- Насунов 1973 — *Насунов Д.* Музыка из легенды // Комсомолец Калмыкии. 1973. 1 марта. С. 4.
- Насунов 1974 — *Насунов Д.* Сказание о верблюде // Комсомолец Калмыкии. 1974. 3 декабря. С. 4.
- Насунов 1975а — *Насунов Д.* Адьян // Комсомолец Калмыкии. 1975. 15 ноября. С. 3, 4.
- Насунов 1975б — *Насунов Д.* Паруса его светлой мечты // Комсомолец Калмыкии. 1975. 14 декабря. С. 8.
- Насунов 1977а — *Насунов Д.* Ботхн // Комсомолец Калмыкии. 1977. 15 января. С. 4.
- Насунов 1977б — *Насунов Д.* Поселенцы: стихи. М.: Современник, 1977. 76 с.
- Насунов 1980 — *Насунов Д.* Полет копия: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 60 с.
- Насунов 1982 — *Насунов Д.* Тамариск: стихи. М.: Современник, 1982. 75 с.
- Насунов 2017 — *Насунов Д.* Избранное. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 320 с.
- Салдусова 2009 — *Салдусова А. Г.* Поэзия // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 497–512.
- Сангаджиева 2008 — *Сангаджиева Б. Б.* Избранные стихи и поэмы: в 2 тт. на калм. и рус. яз. Т. 1 (на калм. яз.). Элиста: Герел, 2008. 496 с.
- Современная русскоязычная 2012 — Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие. Элиста: КалмГУ, 2012. 128 с.
- Nasunov D.* Voices of Distances: Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 62 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Heavy Lash. In: Beautiful Impulses of the Soul: Young Poetry and Prose of Kalmykia B. Pinchuk (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. Pp. 89–98. (In Russ.)
- Nasunov D.* Independent Decision: a Story. *Teegin Gerl.* 1972. No. 3. Pp. 69–76. (In Russ.)
- Nasunov D.* Music from the Legend. In: Komsomolets Kalmykii. 1973. March 1. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Legend of the Camel. In: Komsomolets Kalmykii. 1974. December 3. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* Adyan. In: Komsomolets Kalmykii. 1975. November 15. Pp. 3, 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* The Sails of his Bright Dreams. In: Komsomolets Kalmykii. 1975. December 14. P. 8. (In Russ.)
- Nasunov D.* Bothn. In: Komsomolets Kalmykii. 1977. January 15. P. 4. (In Russ.)
- Nasunov D.* Settlers: Poems. Moscow: Sovremennik, 1977. 76 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Flight of the Spear: Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 60 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Tamarisk: Poems. Moscow: Sovremennik, 1982. 75 p. (In Russ.)
- Nasunov D.* Favorites. Elista: KalmSC RAS, 2017. 320 p. (In Russ.)
- Saldusova A. G.* Poetry. In: History of Kalmykia from Ancient Times to the Present: in 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 497–512. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. B.* Selected Verses and Poems: in 2 vols (in Kalm. and Russ.). Vol. 1 (in Kalm.). Elista: Gerel, 2008. 496 p. (In Kalm.)
- Modern Russian-language Poetry of Kalmykia: Textbook. Elista Kalmyk State University, 2012. 128 p. (In Russ.)

- Сырица 2016 — *Сырица Г. С.* Лексемы с амбивалетной коннотацией в аспекте оппозиции «свой — чужой»: гость // *Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи.* Тарту: Тартуск. ун-т, 2016. С. 200–210.
- Сырица G. S. Lexemes with Ambiguous Connotations in the Aspect of the “Self-Other” Opposition: The Guest. In: *Acta Slavica Estonica VIII. Proceedings on Russian and Slavic Philology. Linguistics XVII. Self and Other in Language and Speech.* Tartu: University of Tartu, 2016. Pp. 200–210. (In Russ.)
- Топалова 2014а — *Топалова (Зумаева) Д. Ю.* О своеобразии современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2014. № 1. С. 59–67.
- Topalova (Zumaeva) D. Yu.* On the Peculiarities of Modern Russian-language Poetry in Kalmykia (Based on the Works of D. Nasunov and R. Khaninova). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities of the RAS.* 2014. No. 1. Pp. 59–67. (In Russ.)
- Топалова 2014б — *Топалова Д. Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 256 с.
- Topalova D. Y.* Russian-language Poetry of Kalmykia: Lyrics by D. Nasunov and R. Khaninova. Elista: KIH RAS, 2014. 256 p. (In Russ.)
- Ханинова 2013а — *Ханинова Р. М.* Тема калмыцко-кавказских связей в лирике Джангра Насунова // *Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Мат-лы VI Междунар. науч.-метод. конф. (11–12 апреля 2013 г.)* Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2013. С. 67–70.
- Khaninova R. M.* The Theme of Kalmyk-Caucasian Ties in the Lyrics of Dzhangra Nasunov Russolinguisim and bi(poly)linguism in Intercultural Communication of the 21st Century: Cognitive and Conceptual Aspects: Materials of the VI International Scientific and Methodological Conference (April 11–12, 2013). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2013. Pp. 67–70. (In Russ.)
- Ханинова 2013б — *Ханинова Р. М.* Фольклор в лирике Джангра Насунова // *Диалог культур: национальное и инонациональное в литературе». Всерос. с междунар. участием очно-заочная науч.-практ. конф. (15 апреля 2013 г., г. Элиста).* Элиста: Калм. ун-т, 2013. С. 127–132.
- Khaninova R. M.* Folklore in the Lyrics of Dzhangra Nasunov. In: *Dialogue of Cultures: National and Non-National in Literature. All-Russian Part-Time Scientific and Practical Conference with International Participation (Elista, April 15, 2013).* Elista: Kalm. University, 2013. Pp. 127–132. (In Russ.)
- Ханинова 2025 — *Ханинова Р. М.* Калмыцкая поэзия XX – начала XXI вв.: поэтика лирических и лироэпических жанров малой формы в фольклорном аспекте. Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. 322 с.
- Khaninova R. M.* Kalmyk Poetry of the 20th and Early 21st Centuries: Poetics of Lyrical and Lyric-Epic Genres of Small Forms in the Folklore Aspect. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2025. 322 p. (In Russ.)
- Церенов 2017 — *Церенов В.* Неброская красота // *Насунов Д. Избранное.* Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 3–26.
- Tserenov V.* Discreet beauty. In: *Nasunov D. Favorites.* Elista: KalmSC RAS, 2017. Pp. 3–26. (In Russ.)

- Цивьян 2002 — Цивьян Т. В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 465–475.
- Tsivyay T. V. The Modern Russian Language Situation in the Context of the World Model // Slavic Language and Ethno-Language Systems in Contact with Non-Slavic Environments. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. Pp. 465–475.*